

замысла художника, о преобразеніи міра въ его картинѣ. Если замысль не воплощенъ, значить изъ картины ничего не вышло; если художникъ міра не преобразилъ, значить онъ просто подсу-нулъ намъ механическую его копію. Внутренняя структура — живая ткань всякаго художественнаго произведенія глубоко антиномична и покоится на томъ самомъ совмѣщеніи противоположностей, которое является основой всякаго религіознаго мышленія, и высшее свое выраженіе получаетъ въ христіанской догмѣ. Если противоположности не совмѣщены, художественное произведеніе распадается на составныя части; если онѣ не достаточно противоположны, оно оказывается вялымъ и немощнымъ. Однимъ изъ частныхъ случаевъ этого совмѣщенія, или лучше сказать его вѣнцомъ, нельзя не признать то сліяніе необходимости и свободы, предопредѣленія и вольнаго выбора, которое мы усмотрѣли въ подлинномъ стилѣ и подлинной соборности. Самое понятіе цѣлостности, наконецъ, безъ котораго невозможно и подойти къ пониманію искусства, есть понятіе, недоступное вычисляющему разсудку и от-

крывающееся до конца только религіозному сознанію.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что проблема христіанскаго искусства есть проблема искусства вообще. Мы видимъ, что искусство вѣками могло существовать безъ видимой, наружной связи съ религіей. Но безъ внутренней, пусть художникомъ несознаваемой, связи съ ней искусство жить не можетъ. Исчезновеніе стилиа угрожающе ослабляетъ эту связь, но еще не окончательно ее разрушаетъ. Окончательно же разрушаютъ ее тѣ самыя раціонализирующія, механизирющія силы, которыя разрушаютъ и художественное произведеніе, какъ таковое. Разсудочнымъ сложеніемъ готовыхъ составныхъ частей замысла не воплотить, міра не преобразить, антиномической ткани художественнаго произведенія не создать и цѣлостной вселенной не построить. Отторженность отъ религіи, отъ религіознаго мышленія, отъ коренящагося въ религіи міро-созерцанія и міро-построенія (замѣняемаго разсудочнымъ міро-разложеніемъ) на нашихъ глазахъ губить искусство.

Только возвратъ къ религіи можетъ его спасти.

Націонализмъ. *)

Націонализмъ и коммунизмъ — двѣ острия болѣзни, развѣдающія современную европейскую культуру, уже и безъ того тяжело больную капитализмомъ. Націонализмъ, быть можетъ, болѣзнь даже болѣе опасная, чѣмъ коммунизмъ. Коммунизмъ послѣ русскаго опыта начинаетъ терять очарованіе, коммунистическая волна спадаетъ и, м. б., недалекъ уже

часть заката коммунизма. Націонализмъ — наоборотъ, — все растетъ и грозитъ рядомъ новыхъ губительныхъ войнъ. Міръ задыхается въ отравленной атмосферѣ соціальныхъ и національныхъ страстей, особенно — національныхъ. Многимъ изъ насъ такая характеристика націонализма можетъ показаться странной. Мы привыкли со словомъ «нація» соединять мысль о Россіи, привыкли въ слово «нація» влагать священное и даже

*) Конспективная записка доклада Г. П. Федотова.

религіозное содержаніе, привыкли воспринимать націю, какъ святыню. Намъ кажется невозможнымъ, чтобы почитаемое нами священнымъ, могло быть грѣховномъ и въ грѣховности — опаснымъ. Но нужно помнить, что все въ мірѣ прекрасное, доброе, возвышенное, но не абсолютное, всегда можетъ изъ положительнаго превратиться въ отрицательное и разрушительное. Вѣдь, и коммунизмъ въ своемъ стремленіи къ общей жизни, въ утверженіи ея правды имѣетъ искаженныя черты положительнаго идеала, выросшаго изъ христіанства. Коммунистическій идеаль, именно какъ идеаль христіанской жизни, былъ осуществленъ христіанствомъ въ первой Іерусалимской церкви, и позднѣе — въ монашескихъ братствахъ общежительныхъ монастырей. Эта идея, возникшая на почвѣ христіанства, и для него существенная, въ наши дни дожила до дьявольскаго вырожденія въ атеистическомъ коммунизмѣ. И всякая духовная цѣнность, утверждающая себя изолированно отъ всей системы цѣнностей, обращающаяся противъ цѣнности Духа, становится началомъ разрушительнымъ. Такова судьба всѣхъ «среднихъ» — не абсолютныхъ цѣнностей. Онѣ двусмысленны. Многое въ исторіи объявлялось священнымъ: — семья, извѣстные «принципы», собственность, нація. Но кто станетъ въ наши дни говорить о священной собственности? Теперь пришло время пересмотрѣть вопросъ и о «священности» націй. Въ націи есть, несомнѣнно, и нѣчто божественное, но оно такъ смѣшано съ вещами земными и даже сатанинскими, что тутъ необходимо дѣйствіе меча Христова, разсѣкающаго надвое, отдѣляющаго относительное, земное и грѣшное отъ абсолютнаго и вѣчнаго.

Нація воспринимается нами обычно,

какъ нѣчто исконно сущее, или творимое изъ нѣдръ народа, какъ вѣчной ирраціональной сущности. Въ дѣйствительности націи возникаютъ, какъ результатъ совпаденія двухъ величинъ — государства и культуры. Это совпаденіе не всегда осуществляется въ исторіи. Ошибочно полагать, что въ основѣ націи лежить народъ. Народъ, т. е. — этнографическая группа, становится народомъ въ національномъ государствѣ. Если мы обратимся къ русской исторіи, наиболѣе намъ близкой, мы можемъ прослѣдить процессъ рожденія новой націи. Первоначально существуютъ только этнографическія единицы — многочисленныя славянскія племена — вятичи, кривичи, радомичи, древляне, поляне и т. д. Изъ тѣхъ же самыхъ или почти тождественныхъ элементовъ могли возникнуть и возникли, какъ русская, такъ и польская народности. Водораздѣлъ между близкими этнографическими образованіями проходитъ по линіи національныхъ культуръ, связанныхъ одна (русская) съ Византіей и ея культурнымъ греческимъ наслѣдіемъ, другая — (польская) — съ Римомъ и Западнымъ католичествомъ. И именно это различіе культуръ, обросшее своеобразіемъ многочисленныхъ географическихъ, экономическихъ, политическихъ и этнографическихъ (конечно), условій опредѣлило различіе двухъ націй, а не самый этнографическій составъ, болѣе или менѣе однородный для Польши и для Россіи.

Связь культуры съ государствомъ создаетъ почву и возможности для образованія національнаго единства. Историческая память о славіи и страданіяхъ предковъ, общность политической судьбы существенны для всякаго національнаго сознанія. Образованіе національнаго сознанія нельзя мыслить внѣ государства. Если и существовали націи безъ государ-

ственного единства (еврейская, въ недавнемъ прошломъ, — польская, чешская), то и онѣ нѣкогда имѣли свое государство. Но и государство само по себѣ не можетъ вызвать къ жизни націю — оно говоритъ языкомъ гражданскаго долга, принужденія, и не знаетъ языка сердца, который говоритъ всего громче въ національномъ сознаниі.

Но прежде, чѣмъ итти дальше, необходимо дать себѣ полный отчетъ въ томъ, что національный характеръ культуры, какъ и само національное сознание не является, чѣмъ то постояннымъ въ исторіи. Есть культуры національныя, но есть и культуры сверхнациональныя, общія для цѣлаго ряда народовъ, живущихъ въ разныхъ государствахъ или универсальныя (вселенскія) по своему принципу. Сверхнациональныя культуры далеки отъ нашего поля зрѣнія, людей воспитанныхъ на идеяхъ 19 вѣка. Однако, по своему историческому значенію онѣ оказываются болѣе значительными. Такова, на примѣръ, культура римская. Содержаніе римской культуры эллинистическое, — дано Греціей, которая не была никогда единымъ государственнымъ образованіемъ. Римъ далъ государственное единство эллинизму, какъ культурѣ, но не создалъ своей особой культуры. Римская культура не имѣетъ даже единого языка: она до послѣднихъ дней имперіи была культурой двуязычной, греко-латинской. Она по разному окрашена на Западѣ и на Востокѣ, но никогда не была національной, какъ не была національной (въ смыслѣ латинской или италіанской) и Римская Имперія: — и та, и другая были сверхнациональны.

Сверхнациональна и арабская культура, построенная на чисто религіозной основѣ. Арабскій священныи языкъ и нѣкогда общеимперское (по идеѣ — міровое) единство калифата лежитъ въ ис-

токахъ множества мусульманскихъ государствъ, разноплеменныхъ и разноязычныхъ. Стиль арабской культуры столь характеренъ, что мы узнаемъ его по малѣйшей вещицѣ-насъчкѣ на оружіи, узору на кувшинѣ, — но онъ ни въ какой мѣрѣ не зависитъ отъ національных моментовъ — онъ единъ и въ Азіи, и въ Европѣ, и въ Африкѣ. Мусульмане Индіи и берберы въ Африкѣ, по языку и крови чуждые другъ другу, не имѣющіе, быть можетъ, понятія другъ о другѣ, тѣмъ не менѣе принадлежать къ одной и той же культурѣ Ислама.

Возьмемъ средневѣковое христіанство. Раздѣленіе Церквей разорвало христіанскій міръ на двѣ половины, но ни западная христіанская культура, ни Восточная не являются національными. Обѣ онѣ, хотя и поразному, были культурами міровыми, сверхнациональными. Культурное единство Запада осуществлялось поверхъ государственныхъ и национальных границъ: языкъ Церкви и образованныхъ классовъ, латинская литература, наука, искусство были общими для всѣхъ народовъ Европы. Политическое единство христіанства признавалось, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Культурное — сверхнациональное и сверхгосударственное — единство западнаго міра существовало тысячелѣтія, пока національныя государства и культуры, начавшія оформляться съ эпохи Возрожденія, не разорвали его. Тѣ же черты универсализма, сверхнационализма характеризуютъ и культуру Византіи. Мы часто впадаемъ въ невольную ошибку, воспринимая Византійскую культуру, какъ культуру греческую. Византія мыслила себя именно, какъ нѣчто универсальное, вселенское. Византійская имперія сознавала и называла себя имперіей Римской, предназначенной объять вселенную, была по своему сознанию ику-

менической (икумени — вселенная). Императоръ именовался вселенскимъ, Патриархъ Константинопольскій носилъ и носить до сихъ поръ титулъ вселенскаго — всѣ православныя народы — по идеѣ — должны быть подъ единымъ скипетромъ, подъ единой властью. Если Западъ и отложился, то это именно отложеніе, бунтъ, нѣчто не должное. Русскія княжества въ глазахъ Византіи были вассальныя княжества, части единой православной Римской имперіи. До самаго паденія Византіи ея императоры смотрѣли на русскихъ князей именно, какъ на своихъ вассаловъ.

Даже и послѣ распада средневѣковаго христіанскаго единства, въ новыя столѣтія исторіи, — при полной обособленности «національныхъ» государствъ, культура долго остается въ существенныхъ чертахъ сверхнаціональной.

Культура Ренессанса, по своему происхожденію, какъ будто, національная, сформировавшаяся въ Италіи въ 15-16 вѣкахъ, по своему духу и устремленности типически универсалистическая: она не признаетъ національныхъ языковъ, національныхъ особенностей, съ трудомъ уступаетъ имъ, сохраняетъ значеніе двухъ универсальныхъ языковъ древности — греческаго и латинскаго.

Чѣмъ ближе къ новому времени, тѣмъ сильнѣе проявленіе національныхъ моментовъ. Но 18 вѣкъ — весь универсалець. Только латинскій языкъ уступилъ свое первенство французскому, ставшему общекультурнымъ языкомъ. Въ Германіи Фридрихъ Великій пишетъ по-французски, въ Россіи — люди, принадлежащіе къ культурному слою, легче изъясняются по-французски, чѣмъ по-русски, часто не въ состояніи написать по-русски простого письма.

Сверхнаціональнымъ, универсалистическихъ культурамъ въ исторіи проти-

востоятъ и значительныя національныя культуры, гдѣ государственное единство совпадаетъ съ культурнымъ — таковы культуры Египта, Китая — культуры самодовлѣющія, изолированныя; къ національному же типу тяготеютъ и новѣйшія фазы культурнаго развитія европейскихъ народовъ — съ начала 19 вѣка.

Древняя Русь, особенно Московское царство 16-17 вв. является образцомъ національной, изолированной культуры. Византійскій универсализмъ не могъ не оказать на нее своего вліянія, но это вліяніе не стало опредѣляющимъ. И Московское царство мыслилось единымъ и единственнымъ православнымъ царствомъ, но уже безъ того характера вселенскости, какъ это было въ Византіи. Мысль о Московскомъ царствѣ, какъ единомъ православномъ государствѣ, о Московскомъ царѣ, какъ единомъ «бѣломъ», «православномъ» государѣ, проникала и въ народныя массы, но никогда не получила ни того содержанія, ни того распространенія, какъ въ Византіи.

Что касается Русской имперіи, то въ 18 вѣкѣ она съ трудомъ можетъ быть названа «національной». Даже въ 19 вѣкѣ она продолжаетъ еще жить идеалами имперіи, осуществляющей обще-гуманистическіе, отнюдь не національные идеалы. Для сановной и литературной интеллигенціи, близкой ко двору, ясенъ былъ этотъ универсальный, а не національный характеръ имперіи. Достаточно вспомнить ту роль, какую играли восточные мотивы въ имперскихъ одахъ Державина, чтобы почувствовать этотъ духъ универсальнаго призванія, какимъ жила Русская имперія въ 18 вѣкѣ. Есть своего рода щегольство въ постоянныхъ напоминаніяхъ объ ордахъ кочевниковъ, «киргизъ-кайсаковъ», о множествѣ племенъ и нарѣчій, объединенныхъ подъ сѣнью Державы Россійской — всѣ эти націо-

нальности входятъ въ составъ имперіи, всѣ пользуются ея благами, являются ея сынами. И въ первой половинѣ 19 вѣка, даже при Николаѣ Павловичѣ, трудно говорить о Россійской имперіи, какъ національно-русской. Всюду сильное вліяніе германизма, такъ называемое, впоследствии «засиліе нѣмцевъ», налагающее отпечатокъ на всю, особенно административную и научную жизнь имперіи. «Национальной» Россійская имперія начинаетъ становиться только со второй половины 19 вѣка, сначала въ связи съ развитіемъ демократизма, въ эпоху реформъ императора Александра II, потомъ, — обратно, — въ силу националистической реакціи при императорѣ Александрѣ III, реставрируется идея московскаго царства, и политика имперіи приобретаетъ остро-национальный характеръ. И немедленно — исчезновеніе духа универсализма порождаетъ рядъ явленій, угрожающихъ единству и цѣльности имперіи. Господство национально-русскихъ и, частію — великорусскихъ мотивовъ — и подавленіе «меньшинствъ» приводитъ къ осознанію противоположностей между націями и имперіей. Возникаютъ и быстро начинаютъ расти всевозможные сепаратизмы, единство имперіи подвергается серьезной опасности. Отказъ отъ универсализма, опредѣленіе Россійской имперіи, какъ великорусской подготовили тотъ разливъ национальных «самоопредѣленій», который съ такой силой сказался въ эпоху революціи. Большевизмъ зажалъ эти процессы въ желѣзный кулакъ, но на слѣдующій день послѣ паденія большевизма они скажутся съ огромной центробѣжной силой.

Итакъ, нашъ историческій обзоръ, по меньшей мѣрѣ, не дастъ основанія для торжества национализма въ философіи культуры. Исторія не рѣшаетъ вопроса о томъ, какія культуры значительнѣе,

духовно цѣннѣе: національныя или сверхнациональныя.

Перенесемъ вопросъ на религіозную почву. И здѣсь придется констатировать извѣстную двойственность въ оцѣнкѣ значенія національнаго момента. Съ точки зрѣнія христіанства «вѣра и отечество» — сочетаніе совсѣмъ не исконное, можно даже сказать очень недавнее. Христіанство вошло въ міръ, какъ религія универсальная. Основоположными въ этомъ отношеніи являются слова апостола Павла — «Нѣтъ уже ни іудея, ни язычника, нѣтъ ни раба, ни свободнаго, нѣтъ ни мужскаго пола, ни женскаго, ибо всѣ одно во Христѣ Исусѣ». (Гал. III, 28).

Въ церкви Христовой національная разность мыслится преодолимой, и напрасно было бы въ Евангеліи или вообще въ Новомъ Завѣтѣ, искать оправданія національности или национальной культуры. И въ позднѣйшее время Церковь, уже свободная, уже господствующая, живя въ рамкахъ Римской имперіи, не содѣйствуетъ специально пробужденію національнаго сознанія, не воспитываетъ его. Съ Константина Великаго Церковь связала свое внѣшнее бытіе съ государствомъ, но совсѣмъ не мыслить этого государства, какъ государства національнаго. Государство это должно быть православнымъ. Оно должно защищать Церковь, содѣйствовать ея распространенію, обезпечить для нея возможность мирнаго безпрепятственнаго развитія, — такъ опредѣляетъ Церковь содержаніе своей связи съ государствомъ и въ этомъ смыслѣ благословляетъ государство. Благословенія национальной стихіи въ этомъ еще нѣтъ. Исторія древней Церкви свидѣтельствуетъ о томъ, что обостреніе національнаго сознанія приводитъ часто къ расколамъ и ересямъ, такъ было на примѣръ, при развитіи монофизитства. Национальный сепаратизмъ Египта и Си-

ри при возникновеніи монофизитства принялъ его, какъ форму своей національной религіи, противопоставивъ ее единству христіанскаго міра. Отпаденіе отъ Церкви востока совершалось подъ дѣйствіемъ національныхъ мотивовъ.

На Западѣ и до нашихъ дней католическая церковь сохраняетъ древнюю универсалистическую установку. Конечно, ея епископы и священники могутъ оказаться въ плѣну у національныхъ страстей, могутъ проклинать католиковъ другою національностью, но Римъ хранитъ позицію сверхнациональнаго центра, и въ извѣстные моменты призываетъ такихъ увлекшихся пастырей къ отвѣтственности...

Но здѣсь мы православные ощущаемъ, что не все благополучно въ этомъ вопросѣ о вселенскомъ католицизмѣ Рима. Современный универсализмъ Рима, несмотря на то, что онъ является несомнѣннымъ источникомъ его организаціонной силы, мы воспринимаемъ, какъ извѣстную дефективность, какъ извѣстную слабость сознанія католической Церкви, не понимающей религіознаго смысла національныхъ различій.

На почвѣ восточнаго православія — правда въ позднѣйшіе вѣка его жизни, мы находимъ иное отношеніе къ національной проблемѣ.

Въ исторіи младшихъ національныхъ церквей, особенно русской, мы наблюдаемъ рожденіе національной идеи на православной почвѣ. Уже въ XI вѣкѣ Несторъ Лѣтописецъ размышляетъ о религіозной судьбѣ и призваніи русскаго народа. Послѣднимъ изъ крещенныхъ народовъ, какъ работники 11-го часа, мы вступили въ Церковь Христову и вотъ уже новые наши святые — Борисъ и Глѣбъ, «отняли поношеніе отъ сыновъ русскихъ». Они и становятся небесными покровителями новой Русской Церкви.

Въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся съ инымъ пониманіемъ единства Церкви, чѣмъ въ Византіи: вселенское тѣло Церкви слагается изъ національныхъ единствъ. Отрицательно это новое сознаніе сказалось въ борьбѣ за назначеніе для русской церкви епископовъ русской національности, положительно, — въ выработкѣ сознанія о религіозномъ призваніи каждой націи: Богъ на каждый изъ народовъ возложилъ особую религіозную задачу.

Идея — чуждая греческому сознанію. Чѣмъ опредѣляется это религіозно-національное содержаніе идеи народа, — въ словѣ выразить трудно. Въ древней Руси эта идея пріобрѣтаетъ свой конкретный смыслъ въ особенностяхъ русской иконописи, въ моральномъ складѣ, въ типахъ святости. Эта національная идея сдержанная, благородная въ Кіевѣ и въ сѣверномъ средневѣковьи, — становится нескромно-торжествующей въ Москвѣ, которая на развалинахъ Византіи дѣлается почти единственнымъ православнымъ государствомъ въ мірѣ. Здѣсь эта идея переходитъ уже должныя границы и позволяетъ московскому человѣку говорить на языкѣ, странно напоминающемъ имперіализмъ Рима, говорить о «святой, соборной и апостольской церкви Успенія Богородицы въ Москвѣ». За этимъ гордымъ самомнѣніемъ, конечно, стоитъ историческая правда (вѣрность православію), но она получаетъ незаконное и несправедливое выраженіе по отношенію, напримѣръ, къ грекамъ, которые кажутся уже Москвѣ подозрительными, впадшими въ ересь. Въ концѣ концовъ, эта гордыня при попыткѣ церковныхъ исправленій приводитъ къ возникновенію раскола внутри самой русской Церкви. Создавшаяся изолированность русской культуры и отъ византійскихъ и отъ западныхъ вліяній оканчивается склерозомъ русской культуры. Изъ этого со-

стоянія ее выводитъ неизбѣжная, но жестокая ломка ея костенѣющихъ формъ, совершенная Петромъ I.

Аналогично Русской Церкви національныя самосознанія пробуждались и въ другихъ малыхъ (наприм. славянскихъ) церквахъ Востока. И здѣсь это пробужденіе часто искажалось национальной гордостью и враждой. Въ наши дни эта болѣзнь особенно тяжело поражаетъ церковныя организмы православнаго Востока. Но искаженія и уродства не должны закрывать отъ насъ и внутреннюю правду идеи. Въ чемъ же эта правда национальной идеи въ христіанствѣ, столь поздно раскрытая и столь легко искажаемая?

Идея націи, какъ идея особаго религиознаго призванія, укоренена въ идеѣ христіанской личности. Въ христіанствѣ личность дана въ соборномъ коллективѣ (въ Церкви), подчиняется ему, но въ то же время она, — самостоятельная цѣнность, самоцѣнность. Она за все несетъ личную отвѣтственность, имѣетъ свое призваніе, осуществляетъ только ей данную цѣль, она имѣетъ свое имя, она не можетъ быть растворена въ коллективѣ, отмѣнена имъ... Нѣтъ двухъ святыхъ совпадающихъ одинъ съ другимъ въ своемъ духовномъ обликѣ, несмотря на обычное стремленіе святыхъ къ самоуничтоженію, къ осуществленію общей формы святости.

То, что вѣрно въ отношеніи индивидуальной личности, вѣрно и въ отношеніи коллективной личности — націи. Для осуществленія полноты Христовой необходимо дифференціація даровъ и призваній, ибо осуществить эту полноту не дано ни отдѣльной личности, ни отдѣльной группѣ, — коллективной личности. Каждый въ отдѣльности, — личность и нація, — можетъ осуществить только од-

ну изъ сторонъ Божественной абсолютной полноты.

Христіанство оправдываетъ и личное, и культурное творчество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничиваетъ его, подчиняя абсолютнымъ началамъ. Нельзя сказать, что Христосъ разрушаетъ любовь, семью, личную жизнь, хотя Онъ и говоритъ строгія слова: «Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня» (Мтф. 10, 37).

Это не разрушеніе земныхъ связей, а ихъ преображеніе, установленіе иной іерархіи цѣнностей, подчиненіе всего основному началу любви Христовой. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что всѣхъ родныхъ и близкихъ можно и должно любить только во Христѣ. Націю, народъ тоже слѣдуетъ любить во Христѣ, любить въ свѣтѣ духовной личности народа, въ которой долженъ отпечатлѣться ликъ Христовъ, — но можетъ отпечатлѣться и другой ликъ. Когда народъ живетъ полнотой религиозной христіанской жизни, онъ просвѣтляется и ликъ Христовъ свѣтится въ немъ; такъ свѣтился онъ въ личности русскаго народа въ лучшія эпохи русской исторіи, когда можно было говорить о святой Руси.

Въ свѣтѣ Христова ученія современный обостренный націонализмъ (особенно расизмъ), являются ничѣмъ инымъ, какъ возрожденнымъ язычествомъ.

Въ націонализмѣ нація мыслится послѣдней абсолютной цѣнностью. Нація возвеличивается не за ея духовное содержаніе, а за ея матеріальную силу и мощь. Въ націи больше любятъ ея тѣло, чѣмъ духъ, а если духъ, то совсѣмъ не просвѣтленный христіанствомъ, а какъ демоническій духъ. Особенно это сказывается въ расизмѣ, подставляющемъ вмѣсто націи почти неодолимую этнографическую величину, — расу — начало полуживотной жизни, начало плоти

и крови. При всемъ огромномъ значеніи, какое плоть и кровь имѣютъ для насъ, при всей нашей интимной связанности съ ними, совершенно бессмысленно строить на этой основѣ культуру. Къ тому же историкъ знаетъ, что не только нѣтъ чистыхъ расъ, но что, какъ разъ расы смѣшанной крови, нерѣдко создаютъ наиболѣе творческіе, значительные культуры.

Мы, русскіе, особенно должны это знать и чувствовать. Можно сказать, что чистаго типа славянской расы сейчасъ нѣтъ. Можетъ быть еще поляки, — и то до извѣстной степени, — могутъ считаться чистымъ типомъ славянства. Что же касается русскихъ, особенно — великороссовъ, то въ жилахъ ихъ течетъ громадная примѣсь финской и монгольской крови.

Если прослѣдить генеологію выдающихся русскихъ людей, почти всюду найдемъ примѣсь нерусской крови: — Тургеневъ, Карамзинъ, Державинъ напоминаютъ о татарахъ. Въ Пушкинѣ примѣсь негритянской крови настолько явная и сильная, что современные негры чтутъ Пушкина, какъ представителя своей расы, украшаютъ въ Америкѣ его портретами свои дома. Нѣмцы, которые сейчасъ такъ дорожатъ «чистотой крови» — выросли на славянскомъ и литовскомъ корнѣ. Пространство къ востоку отъ Эльбы, населенное «нѣмецкой расою», не такъ еще давно было населено славянскими племенами.

Мало сказать, что теорія расизма не имѣетъ для себя исторической почвы. Она бессмысленна по самой цѣли, ибо цѣль культуры совсѣмъ не однообразіе и однотонность. Даже въ предѣлахъ одной націи нужно стремиться къ возможному полифонизму, единству въ многообразіи.

Въ національномъ творествѣ, какъ и во всей жизни, нужны сочетаніе и борь-

ба противоположностей, что бы родилось высшее единство.

Но съ точки зрѣнія религіозной и христіанской всѣ эмпирическія, природныя данности тѣла и крови вообще не могутъ быть послѣдней цѣнностью. Матерія (плоть и кровь) должна быть одухотворена, а одухотвореніе не вырастаетъ изъ плоти и крови, оно дается Христомъ, обусловлено преемствомъ непрерывнаго наслѣдія христіанской культуры.

Вспышка націонализма, характеризующаго нашу эпоху — есть признакъ упадка, кризиса, конца какого то историческаго періода. Въ этой вспышкѣ мы встречаемся со страннымъ парадоксомъ, можетъ быть, наиболѣе парадоксальнымъ явленіемъ нашего времени.

Европейскія націи живутъ повышеннымъ національнымъ чувствомъ въ то время, какъ культурныя содержанія, которыми живутъ онѣ, становятся все болѣе и болѣе интернациональными. Особенно интернациональны тѣ культурныя содержанія, которыми живетъ молодежь наиболѣе захваченная волной остраго национализма.

Техника, увлеченіе которой такъ характерно для молодежи всѣхъ странъ, — принадлежитъ всецѣло къ сферѣ интернациональной; спортъ совершенно интернационаленъ и постоянное интернациональное общеніе является однимъ изъ условій спорта. Современное хозяйство, несмотря на всѣ попытки національныхъ политиковъ замкнуть его въ предѣлахъ той или другой національной единицы, было и остается сверхнациональнымъ. Экономическія затрудненія отдѣльныхъ национальныхъ хозяйствъ, какъ и ихъ преуспѣянія, приводятъ къ интернациональному хаосу, отъ котораго не спасетъ никакая хозяйственная изолированность. Попытки лѣчить кризисъ «национальными мѣрами» — повышеніемъ та-

моженныхъ ставокъ, запрещеніемъ вывозить валюту и т. д. создаетъ положеніе длительной экономической войны и только безнадежно запутываетъ положеніе. Разрѣшеніе можетъ быть найдено только въ интернаціональномъ соглашеніи подчинить частные интересы національныхъ хозяйствъ единому сверхнаціональному общему плану.

При этой интернаціональности культурныхъ содержаній и сверхнаціональности хозяйственныхъ интересовъ, народы Европы тѣмъ не менѣе стремятся къ обостренію національнаго чувства, воспитываютъ его. Юношество призывается къ готовности умереть за отечество, но духовныя содержанія, которыми живутъ разныя отечества, духовные образы отечества почти тождественны для всѣхъ изолирующихся государственныхъ единствъ. Цѣнности старья, обусловившія нѣкогда особый національный обликъ культуры, создававшія дѣйствительно реальныя различія между націями — забыты. Одинаково мыслящіе, волящіе, чувствующіе, одинаково трудящіеся и развлекающіеся люди живутъ въ въ состояніи разобщающей игры національныхъ страстей и во имя ихъ готовы взорвать и самую культуру. Создается, дѣйствительно, огромное несоотвѣтствіе, странный парадоксъ.

Націонализмъ сталъ голой формой, въ которой кипятъ страсти. Націонализмъ не система цѣнностей, а система страстей. Въ такомъ видѣ онъ является только разрушительной силой, и если Европа не сумѣетъ преодолѣть этого кипѣнія страстей — она погибла.

Положеніе Россіи нѣсколько иное. Господство большевизма должно привести къ положительной національной реакціи, — рядъ цѣнностей культурныхъ, религі-

озныхъ, погранныхъ и разрушенныхъ большевизмомъ, долженъ быть возстановленъ. Русская культурная идея не изжила себя, ея развитіе было насильственно прервано и приостановлено.

То, что Европа пережила въ эпоху романтизма, Россія со всей силой начала переживать передъ самой войной. Въ эти годы національное сознаніе ощутило своеобразие и цѣнность нашего древняго искусства, нашихъ религіозныхъ традицій, восприняло ихъ, какъ живую и животворящую силу. Россія только что подходила къ расцвѣту своей національной культуры. Эта неисчерпанность содержанія русской культуры оправдываетъ и питаетъ законность русскаго національнаго чувства. Но политически русскій націонализмъ представляетъ огромную опасность для бытія Россіи. Россія — не однородное національное цѣлое. Великороссы въ немъ только половина національнаго цѣлаго. Спасти Россію отъ распадена можетъ лишь ограниченіе великорусскаго національнаго чувства сверхвеликорусскимъ и даже свѣхрусскимъ національнымъ сознаніемъ. Если Россія подлинно будетъ «своимъ домомъ» для всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ ея, она снова можетъ быть великой и цѣльной, — въ противномъ случаѣ ей грозитъ окончательное распадена.

Національное сознаніе — огромная цѣнность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и огромная опасность. Національное сознаніе должно постоянно воспитывать, очищать, облагораживать, въ голомъ видѣ оно не создаетъ, а разрушаетъ.

Съ точки зрѣнія христіанскаго сознанія, національное чувство должно быть подчинено высшей религіозной задачѣ, задачѣ призванія Россіи, ея религіознаго служенія.